

2. Разгром «правой оппозиции»

На апрельском пленуме ЦК 1928 г. было высказано недовольство снова начавшейся политикой продрозверстки, напоминавшей о временах гражданской войны. На одном из заседаний стало известно также о промышленном саботаже в тресте «Донуголь» (Шахтинский район Донбасса), где для работы привлекались буржуазные специалисты и поддерживались связи с западными финансовыми кругами. Через несколько недель начался публичный процесс против 53 человек (последний раз подобный суд состоялся над эсерами в 1922 г.). Этот показательный процесс, которому надлежало сплотить коммунистов в борьбе против оппозиционеров, уклонистов и других врагов, укрепил миф о «наемных саботажниках» (вслед за ним появились мифы о «кулацкой угрозе» и «опасности справа»). Несмотря на крайне напряженную обстановку, в апреле 1928 г. большинство членов ЦК еще не было готово следовать за Сталиным. В резолюциях, принятых на пленуме, подчеркивалась важность рыночных отношений, осуждались перегибы по отношению к зажиточным крестьянам. Был отвергнут законопроект о новом сельскохозяйственном Уставе, где пожизненное землепользование разрешалось только членам колхоза. Споры между сторонниками и противниками нэпа велись одновременно в ЦК, Политбюро (где Сталин, поддерживаемый Куйбышевым, Молотовым, Рудзутаком и Ворошиловым, располагал незначительным большинством; Калинин колебался, а Рыков, Томский и Бухарин составляли «правую оппозицию») и в учреждениях, занимающихся планированием. Экономисты Госплана разработали план умеренного промышленного роста, где темпы накопления капитала соотносились с темпами роста сельскохозяйственного производства в рамках нэпа. Со своей стороны экономисты из ВСНХ во главе с Куйбышевым предложили план более быстрого роста (135% за пять лет), основанный главным образом на вере в энтузиазм советских людей и на положениях экономиста Струмилина, разработавшего теорию, согласно которой «задачей большевиков было перестроить экономику, а не изучать ее. Нет такой крепости, которую большевики не могли бы взять штурмом... Вопрос темпов промышленного роста решается с помощью человеческой воли».

На пленуме ЦК, состоявшемся с 4 по 12 июля 1928 г., произошло столкновение различных точек зрения. В речи Сталина, опубликованной только несколько лет спустя, подчеркивалось, что политика нэпа зашла в тупик, что ожесточение классовой борьбы объясняется все более отчаянным сопротивлением капиталистических элементов, что крестьянству придется потратиться на нужды индустриализации. Последнее из этих положений Сталин позаимствовал у Преображенского, не приняв, однако, ни оговорку, ни сомнений последнего. Впрочем, в своих резолюциях пленум не пошел за Сталиным. Бухарин, по его собственному выражению «пришедший в ужас» от выводов генсека, которые, как он считал, доведут страну до террора, гражданской войны и голода, и уверенный, что Сталин будет маневрировать с целью добиться преимуществ на следующем пленуме, решил перенести полемику в массы. Ранее никто, даже делегаты VI конгресса Коминтерна (Москва, 17 июля — 1 сентября), не были информированы о разногласиях в руководстве партии. 30 сентября Бухарин публикует в «Правде» «Заметки экономиста», в которых излагает экономическую программу оппозиции. Согласно автору статьи, кризис в стране был вызван ущербностью планирования, ошибками в политике ценообразования, дефицитом промышленных товаров, неэффективностью помощи сельскохозяйственной кооперации. Курс еще можно было изменить, но только за счет определенных уступок крестьянству (открытие рынков, повышение закупочных цен на хлеб, а при необходимости и покупка хлеба за границей). Таким образом, Бухарин выступал за возврат к экономическим и финансовым мерам воздействия на рынок в условиях нэпа. Создавать колхозы следовало только в том случае, когда они оказывались более жизнеспособными, чем индивидуальные хозяйства. Индустриализация необходима, но только если она будет «научно спланирована», проводить ее надо с учетом инвестиционных возможностей страны и в тех пределах, в которых она позволит крестьянам свободно запасаться продуктами.

Несмотря на высокий научный уровень, статья Бухарина вызвала мало откликов. Тем временем Сталин, предусмотрительно не раскрывая имен (кто бы поверил, что

Бухарин или председатель Совнаркома Рыков стоят во главе «опасного уклона»?», выковывал миф об «оппозиции справа», об опасном уклоне в партии, конечная цель которого — создание условий для реставрации капитализма в СССР. В ноябре 1928 г. пленум ЦК единогласно осудил «правый уклон», от которого отмежевались Бухарин, Рыков и Томский. И на этот раз они руководствовались желанием сохранить единство партии. Пригрозив отставкой, добившись незначительных уступок, они все же во имя сохранения единства партии проголосовали за противоречившие их принципам сталинские резолюции необходимости догнать и перегнать капиталистические страны благодаря ускоренной индустриализации и развитию обширного социалистического сектора в сельском хозяйстве. Такое поведение лидеров оппозиции, по сути дела, закрепляло их поражение. Приняв фактическое участие в единодушном голосовании в Политбюро и ЦК, осудивших все еще анонимный «правый уклон» и одобрявших новую линию партии, они не могли высказывать свои мысли без риска быть обвиненными в двоедушии и фракционерстве. В течение нескольких недель, следовавших за пленумом, «правая оппозиция» потеряла два бастиона: московскую парторганизацию, первый секретарь которой, сторонник Бухарина Угланов, был снят со своего поста, и профсоюзы. VIII съезд профсоюзов, нарушив обещание ввести семичасовой рабочий день, одобрил сталинские тезисы об ускоренной индустриализации. Влияние председателя профсоюзов Томского было значительно ослаблено вводом в президиум пяти сталинцев (в том числе Кагановича) и установлением более жесткого контроля Политбюро над руководством профсоюзов. Желая предупредить возможное соглашение между оппозиционными группировками, Сталин наконец решился выдворить сосланного в Алма-Ату Троцкого за пределы СССР.

Впрочем, «левая оппозиция», ослабленная разрозненностью ее активистов и растерявшаяся в связи с принятием новой линии партии — на первый взгляд близкой «левой идее», — опасности больше не представляла. Когда Троцкий решился (21 октября 1928 г.) призвать коммунистов всех стран на борьбу с планами Сталина, Политбюро, воспользовавшись этим, обвинило его в создании нелегальной «антисоветской партии». 21 января 1929 г. Троцкий был выслан в Турцию. В тот же день, в пятую годовщину смерти Ленина, Бухарин повторил свою концепцию, опубликовав статью в «Правде», посвященную «Политическому завещанию «Ленина». Он показал разницу между ленинским планом кооперации — «мирным, постепенным и добровольным» в результате подлинной «культурной революции» — и сталинским проектом коллективизации, основанным на принуждении. Вывод Бухарина: третьей революции быть не должно. Предназначенная, как и «Заметки экономиста», для осведомленного читателя, эта статья не вызвала особой реакции Сталина. А вот появившиеся на следующий день сообщения, что 11 июля 1928 г. имели место контакты Бухарина и Сокольников с Каменевым, значительно подорвали престиж лидеров оппозиции. Теперь они должны были объясняться перед ЦКК и выслушать обвинения в «двурушничестве» и «фракционизме». Апрельский пленум ЦК партии 1929 г. завершил разгром наконец-то публично разоблаченной оппозиции. В ходе его заседания, отвергнувшего последнее предложение «правых» (двухлетний план, задуманный с целью улучшить положение дел в сельском хозяйстве), Сталин в не опубликованной тогда речи заклеил прошлые и настоящие ошибки Бухарина: от «его оппозиции Ленину в 1915 г. до «поддержки кулака».

На XVI партконференции (апрель 1929 г.) оппозиция уже не выступала против пятилетнего плана в варианте, предложенном ВСНХ, который предусматривал коллективизацию 20% крестьянских хозяйств в течение пяти лет и ускоренную индустриализацию. Вскоре Бухарин был снят с поста главного редактора «Правды», а затем (3 июля) отстранен от руководства Коминтерном. Томского во главе профсоюзов сменил Шверник. Рыков подал в отставку с поста Председателя Совнаркома. ЦКК предприняла всеобщую проверку и чистку рядов партии, которая за несколько месяцев привела к исключению 17 0 тыс. большевиков (11% партсостава), причем треть из них — с формулировкой «за политическую оппозицию линии партии». В течение лета 1929 г. против Бухарина и его сторонников развернулась редкая по своей силе кампания в печати. Их ежедневно обвиняли в «пособничестве капиталистическим элементам» и в «сговоре с троцкистами». На ноябрьском пленуме ЦК полностью дис-

кредитированная оппозиция подвергла себя публичной самокритике. Бухарин был исключен из Политбюро.